Билет в другое лето

Мария Евсеева

Линия души

Мария Евсеева

Билет в другое лето

«Росмэн»

2018

УДК 821.161.1-31-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

Евсеева М.

Билет в другое лето / М. Евсеева — «Росмэн», 2018 — (Линия души)

ISBN 978-5-353-08838-7

«Билет в другое лето» – повесть современной молодежной писательницы Марии Евсеевой. Пережив несчастливую первую любовь, Настя уверена, что впереди – лишь мрак и отчаяние. Неужели никогда больше не найти ей свою вторую половинку? Но синее-синее море лечит от любых бед, особенно летом, когда над головой – солнце, под ногами – золотой песок, а вокруг – столько новых и старых друзей и постоянно что-то происходит. Кто же станет для Насти тем самым, единственным и неповторимым? Напористый Костя, растерянный Женька или забавный Макс?

УДК 821.161.1-31-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-08838-7

© Евсеева М., 2018
© Росмэн, 2018

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 9
Глава 3 12
Глава 4 15
Глава 5 17
Глава 6 21
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Мария Евсеева
Билет в другое лето

© Мария Евсеева, текст, 2018
© Макет, оформление. ООО «РОСМЭН», 2018

Глава 1

М-да… Сутки в поезде – это полный абзац!

«Поедешь с вожатыми первой смены – хорошие ребята. Познакомитесь, погогочете, не успеешь оглянуться – уже на месте».

Родительское напутствие звучало так, как будто меня отправляли не в этом черепашьем составе, а в машине времени. Вдыхай тут все многообразие ароматов «доширака» и наслаждайся унылыми пейзажами из заляпанного окна. Еще и этот рыжий доходяга таращится на меня без зазрения совести. Сейчас точно знакомиться надумает. Ясельки «Колокольчик», вторая группа, а не педотряд!

– Первый раз едешь? – подает голос. Но не рыжий, а тот, что рядом с ним, – губастый, с глуповатой улыбкой на пол-лица и бесцветными бровями, как и вся шевелюра на голове.

Смотрю на него и думаю: «Тебе пообщаться не с кем? Наверно, достал уже своих напарников, решил до меня доколебаться?»

Ухмыляюсь и демонстративно достаю наушники.

А он не унимается:

– Санек тоже первый раз. А мы с Ревалем второй. – И тянет шею посмотреть, что смуглый на верхней полке делает.

А тот уставился в открытое окно и даже не моргает. Серьезный, как памятник! Видно, реально эти двое внизу достали его своими разговорами.

Наваливаю громкость, и мне становится фиолетово на все эти дружественные порывы малоинтересных лиц. И даже поезд начинает набирать ход, как будто поддакивает – все верно делаю. Он на моей стороне, оказывается, и я киваю ему ритмично под *Don't Stay* от *Linkin Park*. Но слишком быстро расслабляюсь. Только глаза прикрываю, как белобрысый балабол толкает меня локтем в бок. Сидит уже как свой, рядом, и улыбается до ушей. Головой-мячиком в проход кивает, а там еще одно любопытное лицо. Посимпатичнее этих, конечно, – девушка. Но не в моем вкусе. Широта необъятная по всем фронтам!

Откладываю наушники. Что еще? Что вам всем от меня надо?

Но девушка загадочно молчит и накручивает на карандаш прядь волос. Из нагрудного кармана ее джинсового комбеза выглядывает исчерканный блокнот.

– А ты кто? У меня нет твоей фамилии в списке.

Ага, вот он – предводитель банды гастролеров! Смотрит на меня, как сытая кошка на замученную до полусмерти мышь. Флиртовать, что ли, пытается? Клоунов своих дрессируй!

– И что? – Впиваюсь в нее ответным взглядом.

– Но эти два купе наши, – вполне дружелюбно отвечает она на мою грубость. – Маргарита сказала: «Все свои». А ты лишний, получается. Ты откуда? С истфака?

– Ага, и оттуда тоже, – ржу над ее догадками.

– А серьезно? – встревает рыжий, запуская руку по локоть в пакет с чипсами, и моя неприязнь к нему только увеличивается.

– «А серьезно» – не ваше дело! Жуй свой паек и не отвлекайся.

– Он на отдых, – подает голос «памятник» с верхней полки, и я бросаю на него уважительный взгляд. Догадливый!

– А почему с нами? – не унимается толстушка и начинает задумчиво грызть карандаш. – Заезд только через три дня. Да и на школьника он не тянет…

– Спасибо за комплимент! – перебиваю ее и ухмыляюсь.

А она заваливает новыми вопросами:

– Ты от Балаковой? Вожатым? Документы сдал в штабе?

– Чего? – И снова меня смех пробирает.

– Да отстань ты от него.

Ловко спрыгивает с полки смуглый и сразу перестает казаться гранитной фигурой. Протягивает мне руку как бы не взначай:

– Реваль.

– Макс, – успеваю отозваться.

Проскочив мимо пухлой коротышки, которая, кажется, осталась недовольна и его и моим поведением, он в два счета оказывается в коридоре.

Похоже, Реваль единственный разумный человек в этом балагане.

Все смолкают. Даже Рыжий пытается не хрустеть чипсами. Толстушка нехотя покидает наше купе, бросив на меня пару многозначительных взглядов. А я встаю зачем-то с места – типа за кипятком собираюсь, – но на обратном пути торможу с кружкой возле третьего окна в коридоре и раздвигаю шторки.

И что там такого? Одни электрические столбы мельтешат.

– Не хочется уезжать? – после продолжительного молчания решаюсь заговорить сам, наблюдая, как этот крепкий загорелый парень по имени Реваль задумчиво смотрит в окно.

– Нет, все нормально, – спокойно улыбается он. – Просто вернусь назад к осени, так и не увижу наше лето.

– А ваше лето какое-то другое? – пытаюсь подавить ухмылку, потому как закрадывается мысль, что я погорячился с выводами насчет его адекватности.

– Конечно, – отвечает Реваль.

Отвечает твердо, но по-доброму. Как-то по-взрослому.

И все дальнейшие вопросы вдруг отпадают сами собой. Захотелось тоже таращиться на бегущие за окном поля и лесопосадки и жадно запоминать *наше* лето, которое совсем скоро останется где-то позади и уже без меня. Ну и пусть остается! А сам машинально хлопаю по карману, где покоится айфон. Все чего-то жду, кажется. Только зачем? Неужели до сих пор не усвоил: что вырвано с корнем – уже не прорастет.

– А я угадал насчет отдыха? – разворачивается ко мне вполоборота новый знакомый, и я от неожиданности вздрагиваю.

– А? – Пытаюсь одной рукой поймать гаджет, который уже успел машинально вытащить из кармана, а второй – кружку с кипятком, параллельно соображая, о чем он меня спрашивает. – Ага. Типа того.

– Типа того, – улыбается Реваль. – Я просто слышал, как ты на вокзале…

– Да ну ее! – Машу рукой, забыв про кружку. Капли кипятка попадают на майку, и где-то в области сердца начинает немного жечь. Впрочем, это вряд ли от кипятка.

– Ревалька, – выглядывает из соседнего купе толстушка и хихикает, как первоклассница, – представляешь? Мне сейчас Ира Творожникова звонила.

Лицо Реваля тут же меняется: глаза превращаются в узкие щелочки, и вот он уже давит лыбу до ушей, напрочь позабыв о своей напускной взрослости.

А та стрекочет дальше:

– Весь свой день пересказала в четкой последовательности: и как собиралась, и как на вокзал ехала, как пила чай в зале ожидания. Представляешь? А потом в двух словах отчеканила, что на свой поезд опоздала. Но у нее есть план Б, представляешь?

– План Б, – комедийно грубоватым голосом, видимо изображая ту самую Иру Творожникову, повторяет другая, высокая, с родинкой на щеке. В руке пустая кружка, чайная ложка позвякивает, а на запястье тьма разноцветных веревочек-браслетов.

Мне кажется или я попал в цирковую труппу?

Реваль смеется:

– Есть у нас один персонаж, но ты сам скоро все поймешь, – объясняет он всеобщее оживление. – А это Катя, – кивает в сторону закрывающейся двери купе. – Правая рука Мар-

гариты. Балакова Маргарита – комиссар штаба студенческого отряда. Главная у нас то есть. Она своим ходом в «Жемчужину» доберется. И таких, кстати, полно. А это, – смотрит в конец коридора, – Алина. Есть еще Света и Юля. А с нами по соседству – Санек и Артем.

– Да мне как-то… – отмахиваюсь как можно мягче.

– Все равно. Я понял, – едва заметно подмигивает. – Но, как минимум, до конца смены глаза придется друг другу мозолить. Или ты вообще на все лето?

– Не знаю, – пожимаю плечами и, кажется, впервые за весь день улыбаюсь. – Посмотрим по обстановке.

Глава 2

Я не знаю, что происходит. Я хочу понять, пытаюсь до него достучаться, добиться нормального разговора, а он отмахивается: «Все нормально». Но я же чувствую! Между нами растет глухая непробиваемая стена – я ее ощущаю.

«Вам надо расстаться на время, – говорит Надя. – Ты ж его к ноге привязала. Мне бы тоже надоело…»

Но как можно надоесть, если любишь, если живешь им одним, если все по-настоящему?!

Не получается поговорить с мамой. Начинаю и… сдуваюсь на полуслове. Какой-то комок в горле образовывается и душит, душит, душит. И гордость дурацкая просыпается: «Все у нас гладко и прекрасно!» А у *нас* ли? А существует ли это «нас» и когда оно успело расколоться на две отдельные половинки?

С Лешей мы вместе уже два года. Начали встречаться накануне моего пятнадцатилетия. Ну как встречаться? Всю весну он просто провожал меня до дома, а вечерами болтали по скайпу. Пару раз на файер-шоу вместе ходили, а в конце мая рванули на великах к Лысой горе. Пицундские сосны, узкие, извилистые тропки и триста семнадцать метров над уровнем моря! Оглянешься назад – город крошечный, как на ладони. А мы на вершине – счастливые, свободные и чуточку сумасшедшие.

Вот с этой-то поездки все и завертелось. Не стремительно, но мама заволновалась, твердила постоянно: «Рано-рано-рано! Не теряй головы!», как будто в нас самих не сидели страхи и сомнения. У них, у взрослых, все только черное и белое, а замечать остальное – нет времени! Вот и кажется им, что ты маленький, маленький… хоп!.. и повзрослел в одночасье! А на самом деле внутри тебя идет постоянная борьба: с собой, со своим характером, с опасениями; за мечты, за желания, за достойное место среди других.

Но Леша произвел на маму положительное впечатление, как только стал приходить к нам в гости, и она отстала. Успокоилась, что сидим у нее под боком, жуем пироги, смотрим комедии и ничем недозволенным не занимаемся. Как будто для этого сутками где-то пропадать нужно. Странная логика.

Так вот, с мамой разоткровенничаться я не могу еще и потому, что *все было*. Не сразу, конечно, и не по глупости. Да и голову ни с того ни с сего никто не терял. Мы не думали об этом днями и ночами, не выжидали удобного момента, чтобы скрыться от бдительного чужого глаза. Само собой как-то получилось…

Но разве ей объяснишь? Вместо поддержки или совета получу обязательно: «А я говорила!» И это меня окончательно добьет.

Леша вчера даже не поднялся. Позвонил и небрежно бросил: «Готова? Выходи». Выскочила к нему через три минуты, а он и не взглянул на меня. Улыбнулся натужно и глаза отвел. Руку протянул, а она холодная…

Говорят, что любовь, как аккумулятор, вырабатывает свет, тепло, энергию. Получается, у Лешиного аккумулятора кончился заряд. Не хочу в это верить. Бред и выдумка! А если и так, моей подзарядки на двоих хватит – бери! Но не помогает… Становится только хуже. Прохлада в мыслях, отчужденность во взгляде и на сердце – лед.

Пришли на набережную к «Пароходу»[1], где его давние друзья всегда собираются. Он сразу оживился, разулыбался девчонкам и в разговоре вроде невзначай мою руку выпустил, а потом и вовсе отстранился. А я стояла одна среди малознакомых лиц, как дура, и чувствовала себя лишней. И сказать ничего не могла, и кинуться к нему через толпу не смела. Как-то само собой получилось, что я оказалась в стороне. Пятилась, пятилась молча… Но кто бы знал,

[1] Диско-клуб в Анапе.

как хотелось закричать! До боли в горле, до хрипоты! А Леша, похоже, даже не заметил моего исчезновения – ни вчера, ни сегодня так и не позвонил…

Ловлю его «ВКонтакте» в онлайне, а он как будто избегает меня – зайдет и тут же выходит, не читая моих сообщений. Что же такое происходит? Копаюсь в себе, ищу причины, но не нахожу их, хотя цепляюсь за все, что можно.

Надя пришла, посмотрела на меня и фыркнула недовольно:

– Ты как простокваша. Вставай, пошли к нашим!

Зачем? И куда «к нашим»? Вдруг Леша придет, а меня дома нет?

– Что-то не хочется. – Улыбаюсь, стараясь казаться беззаботной, а на душе – чернота беспросветная.

Но она меня всю «от и до» читает. И не жалеет:

– Вот поэтому твой Леша и соскочил: все дома и дома. Скучно!

– Так мы же гуляли…

– Гуляли, – кивает и кривит губы. – От фонаря до фонаря. И все время вдвоем.

А разве нужен рядом кто-то еще, до кого не будет дела?

– Короче, Насть! Я без тебя не уйду! – И встает деловито.

Собираюсь неохотно, сама то и дело в окно украдкой посматриваю, телефон из рук не выпускаю, проверяю постоянно: не завис ли, ловит ли сеть, не пропал ли вай-фай? Но нет… Леша не звонит, не пишет, не приходит. Только я в это поверить никак не могу, а смириться – вообще за гранью реальности.

«Наши» – это Надина новая компания. Я пересекалась с ними один раз. Запомнила только одного парня – высокий, темноглазый и… уж больно взрослый. Я почему-то таких побаиваюсь. Кто знает, что у них на уме.

– Девчонки, а вы в купальниках? – выкрикивает кто-то, стóит нам только выйти из подъезда.

– Конечно! – расплываясь в улыбке, машет в ответ Надя.

Да, эти ее приятели действительно взрослые – стоят около двух припаркованных рядом машин, по-свойски привалившись к капотам. И зачем я согласилась идти с ней?

– Я не собиралась купаться, – бормочу еле слышно. Мало того что городские пляжи не перевариваю, так еще и предчувствие дурное.

– Ну не купайся. Тебя никто насильно в воду не потащит, – шепчет она мне, продолжая улыбаться своим приятелям. А когда подходим ближе к компании, спрашивает у ребят: – Какие планы?

– До Бугазской косы хотим махнуть.

– Так там же теперь проезд закрыт, – блещет эрудицией Надя.

– Прорвемся, – смеется один из парней.

– А не хотите на Тортугу[2]?

– Да можно и туда, – щурится на солнце тот самый, темноглазый.

А я никуда не хочу. Тем более ехать. Тем более с ними. И вообще…

Но Надя хватает меня под локоть, а сама легко вклинивается в разговор про пляжи на Бугазской косе. Замечаю, как на нее заинтересованно смотрит парень в белой майке с крошечной, едва заметной татуировкой в виде знака бесконечности на шее, рассказывая про сегодняшние волны в три балла. А потом с заговорщической улыбкой открывает дверцу «хонды», достает из салона машины что-то и вручает Наде. Та пищит от восторга, кидается счастливая к нему в объятия. Даже мне становится радостно за подругу, и неважно, что он там ей подарил.

Но тут они ко мне оборачиваются.

[2] Пляж в Анапе.

– Угощайся! – приятно улыбается Надин рыцарь и протягивает вафельный рожок с огромным шариком мороженого черного цвета. Я такое еще не пробовала, хотя и видела в «Инстаграме» сотни раз.

Верчу в руках, с любопытством осматриваю со всех сторон, а потом смеюсь отчего-то. И благодарю, конечно. На Косу мы так и не смогли проехать, даже пляж Тортуга оказался закрытым – зря только протряслись по неровной дороге пригорода. Зато обратно летели с ветерком по шоссе и на ходу почти единогласно решили, что искупаться все-таки стоит, а до Большого Утриша[3] рукой подать.

Нет, Утриш действительно недалеко (около пятнадцати километров от Анапы), и места там очень живописные: Жемчужный водопад, несколько лагун, мысы Крокодил и Ежик, скалы и холмы, покрытые можжевельником, редкие виды деревьев и дельфинарий прямо в открытом море. Сам полуостров сформировался в результате землетрясения – это ли не чудо природы? Если верить преданиям, сюда приплывали Ясон и аргонавты в поисках золотого руна, и именно к одной из здешних скал был прикован могучий Прометей. Огромный орел по приказу Зевса долгие годы клевал его печень. Но бог Тлепс[4] на своей кобыле ринулся на помощь тому, кто принес людям с Олимпа священный огонь. Бой с орлом был жестоким – птица вырвала когтями кобылу из-под Тлепса, та упала и превратилась в гору, которая по сей день носит название «Кобыла». А неподалеку протекает река Неберджай – «кровожадный орел»[5].

Правда, ехать туда мне все-таки не хотелось.

Во-первых, я не привыкла вот так «гулять» с малознакомыми мне людьми, несмотря на то, что первоначальное мнение о них немного да развеялось. Ромка – тот, что за рулем (стопроцентно Надина новая пассия), – веселый парень. Миша серьезен и рассудителен – сразу пристегнулся, следит за дорогой, знает, куда лучше свернуть, как объехать, и не болтает попусту.

Во-вторых, меня тихонько подначивает совесть – разъезжаю с незнакомыми парнями черт-те где. Вроде ничего такого не делаю, а как представлю Лешу на своем месте, зубы до скрипа стискиваю… Даже думать об этом не хочу! Нет, он бы так никогда не поступил. Это я… глупая дурочка! Поехала куда-то зачем-то… А вдруг он в это время заходил ко мне, а я…

Смотрю на темный экран телефона и в сотый раз, кажется, снимаю с блокировки, чтобы проверить, нет ли пропущенных?

Надя косится, и снова ножом по сердцу:

– Захотел – давно бы уже позвонил.

– Да он спит, наверно, – пытаюсь оправдать его и еще сильнее ругаю себя за то, что не осталась дома.

– В три часа дня?

Жму плечами. Ну мало ли?

Большой Утриш встречает нас прохладным свежим ветерком. В городе ветер совсем другой – слишком горячий. Если бы рядом со мной сидел Леша, я бы тоже улыбалась, как все. Вытянула бы руку в открытое окошко, а может быть, даже высунулась по пояс… Но сейчас мне хочется вернуться назад. Как магнитом обратно тянет, хоть прыгай на полном ходу!

Паркуемся прямо на склоне у обочины. Все радостно галдят и спешат вниз, к морю. А я всматриваюсь в бирюзовую полоску горизонта… Стою так пару минут, не двигаясь. А потом срываюсь с места, повинуясь внезапному порыву, и бегу, не чувствуя ног. Только не вниз по склону, не туда, где море выбрасывает волны на камни, – мне там делать нечего. Моя дорога – в обратную сторону.

---

[3] Природный и морской заказник.

[4] Бог черкесского (адыгского) пантеона. Покровитель кузнецов и медицины.

[5] Перевод с адыгейского.

Глава 3

– Э-э-э… Я что-то не понял… – Смотрю ей прямо в глаза и пытаюсь разгадать, сиюминутное ли это решение или они еще там, дома, все придумали и разложили по полочкам. – Халупа и два неадеквата как приложение как-то вяжутся с тем, что вы так красочно расписывали?

– Максимушка, вяжутся. Еще как вяжутся! Между прочим, это самая лучшая комната. И, заметь, вас там всего трое, когда в остальных по четверо и даже пятеро обычно проживают.

– Зря не по пятнадцать! – Пинаю на эмоциях ни в чем не повинную стену, но тут же спохватываюсь и меняю тактику. – Теть Наташ, – сажусь к ней на стол, аккуратно спихивая в сторону стопочку бумаг, – мы ж так не договаривались…

– Мы не договаривались права качать.

Выражение ее лица невозмутимо, и она старается говорить строже.

– Скажи спасибо, что ты тут находишься, когда другие из кожи вон лезут, чтобы попасть хотя бы на одну смену. Целое лето у тебя море под боком. Отдыхай – не хочу!

– Ну можно меня отдельно поселить? – Перехожу к контратаке, делая слезливую мину, хотя знаю, что у меня это получается не так великолепно, как у кота в «Шреке». Зато после подобного хода у всех стопроцентно поднимается настроение.

– Не наглей. – Теть Наташа легонько сталкивает меня со стола, в ее голосе каменная твердость. – И переоденься как положено.

– Во что? В ту идиотскую футболку? А эта чем не устраивает? Даже цвет совпадает. Ну, почти…

– Сказано «переоденься», значит, переоденься! – И шарахает кулаком по столу.

Пфф! Как страшно! Как будто я прямо сию минуту возьму и смирюсь со своим положением! Все вы, оказывается, заодно! Ну ладно, ладно… Посмотрим, кто кого!

– Располагайся, Максим, – тянет она напевно мне в спину, сменив интонацию.

– Ага!

Только это не я, это дверь грохочет ей в ответ.

Чтоб она с петель слетела!

Стены развеселенькие – все в плакатах и фотографиях. Детишки, шарики, фонарики… Слезки, сопельки, подгузники… Какого черта я вообще здесь делаю?!

Достаю айфон, тыкаю пальцем по сенсору, злюсь, промазываю.

– Здорово, Кирюх! Как оно?.. Отдыхаешь?.. Я? Тоже отдыхаю… Слушай, выручишь, а? Заблудился по дороге. Домой срочно надо, а то мамка отругает… Заберешь меня? Да не, тут недалеко… Выезжаешь на М-4 «Дон» и пилишь пару часиков… Где, где? В Анапе!.. Да какие восемь часов?! Ну восемь… Все равно катаешься по городу без толку. А тут море, солнце, девочки… Бензин оплачу, как домой вернемся. Ты ж меня не первый день знаешь!.. Совсем никак?.. Ну ладно… Да не, не надо, не парься! Спасибо…

Черт!

Еще злее долблю айфон.

– Дэн? Дэн, бро, выручай! Подай школоте на мелкие нужды… На билет до дома не хватает…

Дэн ржет в трубку. Смешно ему!

– В концлагерь попал, свалить бы как-то, – объясняю на полном серьезе. – В долгу не останусь… Я тебя хоть раз подводил?! Совсем на нулях? У тебя ж зарплата на днях была… Всю просадил? Да ладно, ладно, не оправдывайся. Я все понял…

Двадцатник на пятки наступает, а врать так и не научился. Клоун!

– Здоро́во, Леший! Есть бабки? Кинешь на карту?.. Ну хоть сколько… Сколько не жалко… Сотку?.. Сотку, Леший?! Стебешься? Да пошел ты!

Друзья еще называется…

Замечаю, как на меня таращится лупоглазый пацан у лестничного пролета.

– А ты че уши раскинул? Иди кашку кушай! Или маршируй… Что там у вас сейчас по расписанию?

Тот с перепугу в стену впечатался, когда понял, что я в его сторону сворачивать собираюсь. Только нужен он мне больно. Толкаю дверь, а она не поддается. Раз, другой. Наваливаюсь посильнее, а потом с ноги ее – на!

Вот и улица. Вдали голубеет море…

– Это аварийный запасной выход, – блеет за спиной тот, глазастый.

Да мне плевать!

Безликий двор с прилегающими куцыми аллейками и лавочками, островки спортивных площадок то там, то тут, выбеленные бордюрчики, какие-то разметки на асфальте и забор… высокий, кованый… по всему периметру. Точно тюрьма!

– Слушай, а где тут дорога к морю?

– Прямо и до конца, – улыбается встречный в инкубаторской оранжевой футболке и убогой бейсболке с логотипом лагеря. – А ты стажер? Возьми перчатки в подсобке для уборки территории.

– Стажер, – хмыкаю ему в ответ и на ходу вытряхиваю из карманов весь мусор, который там завалялся. А потом оборачиваюсь, чтобы посмотреть, как преобразился вид двора с урнами на каждом шагу. Ну вот, теперь совсем другое дело, а то было слишком уныло. А ты убирайся, убирайся!

Наконец-то ворота. За ними барханы светло-желтого, почти белого песка. И вместо каменной дорожки – деревянный настил, который тянется далеко-далеко.

Вот это пляж! Вот это ширина! И ветер хозяином гуляет на просторе. Налетает внезапно, будто исследует тебя, как равнодушный громила на фейс-контроле, а потом, приняв, время от времени маячит на горизонте – демонстрирует, что рядом, что все равно присматривает. Ну а тебе уже и дела до него нет. Растворяешься в атмосфере, созданном кем-то антураже, и тело начинает жить отдельно от твоего разума. Но в клубе толпа, а здесь безлюдно, как на необитаемом острове. Если б не лежаки под навесом справа и не троица у кромки воды, я б, наверное, навсегда остался среди этих дюн, выстроившихся караваном вдоль линии берега.

Да тут знакомые лица, оказывается! Реваль, Рыжий и… Интересно, где этот чипсодав потерял своего придурковатого приятеля? Потому что третий – в черной боксерке – не тот губастый, что с деревенской простотой подсаживался ко мне в поезде. С этим я еще не пересекался.

А они купаться собираются. Рыжий футболку стягивает неуклюже, но не спешит заходить в воду – маячит туда-сюда, вышагивая вдоль берега. Спина белая, аж слепит глаза на солнце. Тот, с незнакомым фейсом, здоровый такой, куксится, как девчонка, когда волны, набегая одна за другой, достают до краешка его шорт у колен. Видно, вода еще холодная. Конечно! Ну а как ты хотел? Первое июня.

Ржу почти в голос, но Реваль рассыпает уже выстроившуюся в моей голове картинку на отдельные фрагменты. Он первым кидается в море, выныривает с выражением абсолютного счастья на лице и тут же, не медля ни секунды, устремляется вперед, в бескрайнюю синеву. Только черная макушка поплавком качается на волнах. И вода наверняка теплая. Просто те двое – неженки.

Рыжий оборачивается, машет кому-то костлявой рукой, и я замечаю справа у лежаков еще троих. Теперь все понятно. Губастый на месте, просто к девчонкам пристроился.

– О, Макс! – орет с берега этот неугомонный и делает такой же жест уже в мою сторону.

И на что он рассчитывает?

Стою, как стоял. Верчу айфон в кармане. Все боюсь проморгать важный звонок. Дэн, Леший, Киря… Нет, не на них последняя надежда… Да и плевать на каждого! Я и раньше догадывался, что вся эта движуха вокруг меня только из-за денег…

Сжимаю гаджет изо всех сил, а он молчит. Молчит, предатель! Бездушный кусок железа… Пожалуйста! Просто набери мой номер! Можешь ничего не говорить. Только позвони, только дай понять, что нужен, и я сорвусь с этого места! Пешком преодолею сотни километров, в кровь собью локти и колени, приползу полуживой! Но ты не позвонишь… Я и сам прекрасно знаю причину… И она, эта причина, вгрызается в мой мозг и пожирает его не спеша, с особым смаком.

– Ма-акс! – зовет меня кто-то еще, и я возвращаюсь в реальную жизнь.

А море шумит, шумит непрестанно, и, если ему довериться, вслушаться в его неторопливую мелодию, можно, пожалуй, со временем избавиться от навязчивых мыслей. Но я не хочу. Так мне даже легче.

Передо мной радуга – фенечки из разноцветных веревочек вокруг тонкого запястья. Алина вроде бы. Или Катя… Может, Юля? Или вообще какая-то левая? Да без разницы!

– Освоился? – улыбается слегка и поправляет волосы, которыми играет ветер. Обычная уловка для привлечения внимания.

Окидываю ее взглядом. Голубые глаза, тушь тяжелой ношей на ресницах, напомаженные какой-то дрянью губы. Притормаживаю на родинке, что на щеке. А потом – на выступающих ключицах, по которым двумя ручейками струится позолоченная цепочка с крохотной подвеской в виде сердца – китайский закос под «сваровски». Белоснежный топ, подчеркивающий фигуру, пирсинг, струящаяся юбка в цвет моря, едва выглядывающие щиколотки, сандалии, как у античной богини. Приторно. Неестественно. И так узнаваемо.

– Ты немой, что ли? – хихикает. Вроде как застенчиво. А сама уверена, что зацепила. Во взгляде читается…

И у меня тошнота к горлу подкатывает.

– Не твой, – кидаю с усмешкой и ухожу.

Нежданчик!

Чувствую, как прожигают взглядом. Все. А я еще крепче сжимаю айфон. И хочется его закинуть куда подальше за бесконечное молчание.

Разуваюсь на полпути, закатываю джинсы повыше и впечатываю свои следы в мокрый песок этого, *другого* лета. А в голове гудит: «Позвони! Позвони! Ну, позвони!»

Глава 4

В начале июня еще нет большого наплыва отдыхающих. В автобусах пока свободно. Сажусь у открытого окна и считаю минуты. Чем ближе к городу, тем сильнее удары сердца… Господи! Как же я без него скучаю!

Смотрю без интереса на знакомые пейзажи. Родная Анапа, я тебя очень люблю… Но эта любовь не сравнится с той, которая сжигает меня дотла!

В какой-то момент решаю набрать его номер сама:

– Леша, привет! Почему не звонишь? Занят?.. А чем занимаешься?.. Только с дачи приехали? Конечно помогай! Не буду отвлекать, вечером перезвоню. Тете Жене привет!

Ну вот. Леша дома. Маме помогает. А я?.. Как же некрасиво вышло… Не устаю ругать себя! Ну зачем, зачем я поехала вместе с Надей? Безвольная дурочка! Но я ему все расскажу! Сама. Чем скрывать и мучиться от правды-неправды-полуправды, лучше как можно скорее во всем признаться!

Может, заглянуть к ним прямо сейчас? Да и лишние руки только на пользу… Так и сделаю!

И вот уже лечу через две ступеньки на последний этаж панельной пятиэтажки, кое-где через три перепрыгиваю.

– Ой, Настюша! – растерянно улыбается тетя Женя, и между нами возникает неловкая пауза. В ее глазах – немое сочувствие.

Сердце начинает гулко барабанить. Разве есть повод, чтобы меня сейчас вот так… жалеть?

– А Леша… – пытается подобрать слова она, – а Леша с ребятами куда-то ушел.

«Разминулись! Не успела…»

Вздыхаю, кажется, слишком громко.

– Настюш, – тетя Женя смотрит на меня с неловкой улыбкой и переминается с ноги на ногу, – хочешь, зайди, подожди его. Может, скоро вернется…

Зачем-то захожу. Как в тумане… Молча разуваюсь, прохожу по узкому темному коридору в кухню. Вот мой стул у батареи. Я всегда здесь устраиваюсь, чтобы быть напротив Леши, заодно на подхвате у тети Жени – чашки из шкафчика достать, подать что-то из холодильника. А сейчас сижу, уставившись в одну точку, – на Лешин сломанный телефон, который валяется на полке рядом с рулоном полиэтиленовых пакетов для завтраков. Когда-то он работал исправно, и на заставке стояло наше совместное фото с той самой поездки к Лысой горе.

– Чаю? – предлагает Лешина мама.

– Что? – пытаюсь сфокусироваться на ее лице.

– Чаю? А может, кисельку? Клубнику вчера с дачи привезла, два ведра эмалированных. И варенье сварила, и кисель вот. А на грядках ягода все спеет и спеет. Каждый день туда-сюда катаюсь. Лешку же не допросишься, чтобы помог. Проснется к обеду, покушает и убегает куда-то.

Рассказывает, а сама старается на меня не смотреть. На Лешином месте сидит, напротив меня.

– И ничего не скажешь – каникулы ведь. Пусть, думаю, отдыхает, а то на следующий год поступать. Вот он и пропадает где-то до полуночи. А как хорошо было, когда вы встречались… Ой…

– Теть Жень, я пойду, пожалуй, – отвечаю не своим голосом.

Что-то тяжелое все ближе и ближе подкатывает к горлу.

– Я передам… что ты заходила, – слышу за спиной, но не реагирую.

Обуваюсь и щелкаю дверным замком. Воздуха вокруг меня с каждой секундой становится все меньше и меньше. Побыстрей бы оказаться на улице! Но ноги подводят, не слушаются. Ползу, как столетняя старушенция, вцепившись в перила, и ничего не понимаю. Одна лишь мысль в голове: «Только бы не задохнуться!»

Город давит домами, машины сигналят со всех сторон. Иду по «зебре» – одна сплошная бесконечная линия. Кажется, схожу с ума… Хочется быстрее очутиться в своей комнате: упасть на кровать, зарыться в подушки, затеряться в одеяле – нет меня! Забудьте, не вспоминайте, не трогайте!

Дома так же невыносимо. Комната убивает воспоминаниями. И плюшевый мишка в углу жестоко смеется надо мной.

Распахиваю форточки, окна, балкон. Не помогает… Еще и барабанит кто-то настойчиво в двери.

– Настя, блин! – Не успеваю открыть, как Надя врывается ураганом и начинает кричать на меня. – Дура! Ты зачем так сделала? Мы тебя обыскались, весь Утриш прочесали! Отдохнули, называется! А она еще и телефон отключила! Молодец, нечего сказать!

– Плохо стало. – Прислоняюсь спиной к стене и закрываю глаза.

Пытаюсь отключить звук, стереть перед собой все изображения, избавиться от мучительных чувств, которые рвут меня на части.

А она еще больше распаляется:

– Плохо?! Поэтому ты пешком до города рвануть решила?

– Я на автобусе добралась.

– Прекрасно! А позвонить? Сказать, что все нормально?

– Я не думала, что…

– Конечно! А то я не знаю, о чем ты думала. – Встает в любимую позу, сложив руки на груди. – Твой Леша гуляет вовсю и о тебе не больно-то вспоминает. А зачем? Ему и так прекрасно! Девки, клубы, новые впечатления… Да раскрой ты глаза, наконец! Имей хоть каплю гордости!

Зачем она так? Что плохого я ей сделала?

Отворачиваюсь, и слезы подкатывают.

– Насть, – трогает она меня за руку и говорит уже мягче, спокойнее, но мне от этого не легче. – Понесло его, понимаешь? Понесло… Отпусти. Ничего хорошего уже не получится.

– Да что ты такое говоришь-то?! – не выдерживаю, и слезы рекой. Как будто плотину сорвало. И не остановиться, не успокоиться.

– Насть, да я собственными глазами видела, как он… Они…

– Что?! – трясу уже ее за плечи. Но не от злобы… От собственной беспомощности.

– …целовались, – и переходит на шепот: – Я просто не хотела говорить… Прости.

И меня сразу опоясывает темнота. Как я и мечтала… Слепота?

А потом и звуки растворяются в этом мраке. Глухота?

И что там, за спиной и под ногами… Пропасть? Да какая разница! Проваливаюсь туда, откуда уже не выбраться.

Никогда.

Да и не за чем…

Глава 5

– Эй, как тебя там? Максим? Вставай! – Тормошит кто-то холодной рукой. – Через сорок минут встреча ребят.

– Чего? – Открываю один глаз, но вторым продолжаю досыпать.

– День заезда, зелень! – слышу другой голос.

Не пойму… Какого черта им от меня надо?

– Вставай! – Стягивают одеяло.

– Э! А вы ничего не перепутали? – Вскакиваю с кровати. И пофиг, что в одних трусах! Толкаюсь локтями, пытаясь разогнать этих назойливых мух, а они визжат, пищат, смеются…

– Нас Наталья Егоровна предупредила, что ты слегка неадекватный, – подмигивает толстушка. – Мы, собственно, не против! Здесь такое ценится!

– А он че, реально стажер? – Узнаю знакомую рожу: Рыжий. И снова чем-то чавкает. – И че нам теперь делать?

– Вешаться! – ухмыляюсь. – Тебе уже ничто не поможет!

Они дружно гогочут, больше всех сам Рыжий закатывается. Машет передо мной инкубаторской футболкой, горловину растягивает и на меня пытается напялить. Обступили вчетвером. Только Длинный немного в стороне, но тоже смеется.

– Слышь, упыри! Я без боя не сдамся!

Уворачиваюсь от них, и самому смешно становится. Еще и сзади кто-то по ребрам пальцами перебирает.

– Шорты сам наденешь? Или тоже помочь? – проявляет заботу эта, с фенечками, когда меня все-таки побеждают.

Делаю шаг ей навстречу, внезапно вспомнив имя, – Алина. Задираю руки вверх, типа приготовился:

– Помоги!

А Рыжий чуть не по полу катается:

– Во мелочь наглая пошла!

– Весело у вас, – подает голос Длинный и улыбается.

– Поздравляю, Жень! – кивает в его сторону толстушка, и у меня в памяти всплывает и ее имя – Катя. – Вы, кстати, в одном отряде, – ковыряется в своем исчерканном блокноте.

– Я его к *себе* под опеку возьму, – мурлычет Алина, – а то заладил: «Не твой, не твой!» – А сама пялится на меня, стреляя глазками, пока я с шортами корячусь.

Кидаю взгляд на Длинного – понимаю, что можно слегка подурить:

– Извиняйте, тетя Алина, но мы с товарищем Евгением в одном отряде. – Развожу руками и язык ей показываю, а потом лезу к этому здоровяку обниматься.

И они снова дружно хохочут. Рыжий уже на кровать рухнул, подрыгивает костлявыми конечностями. А я думаю… слинять, что ли, под шумок или еще покривляться?

– Не переживай, – примыкает к нашему крепкому братству эта самоуверенная и цепляет Длинного за локоть. – Женя и со мной в одном отряде.

– Ого! Может, тогда я лишний? – дергаю бровью.

– Мы бы рады были, но…

Но не успевает договорить.

– Вы тут? – переводя дух, заглядывает к нам Реваль. – Бегом на улицу! Уже первый автобус подъехал. – И сует какие-то таблички.

Хо-хо! А я типа стажер, я не при делах – передаю их дальше. Но одну все-таки обратно получаю.

– Наталья Егоровна сказала, чтобы ты держал, – суетится Катя и ныряет следом за Ревалем в открытую дверь.

– И кепку не забудь!

Алина – кто ж еще? – шлепает мне на голову типовую бейсболку и выталкивает в коридор.

А я жалею, что не смылся вовремя. Как под конвоем ведут. Ну да ладно! Сейчас и там представление устроим. И Натальей Егоровной меня не запугать. Это вам она – «Наталья Егоровна», а мне – тетка родная. Чувствую, весело будет…

– Ста-же-ор, – ехидно посмеивается где-то сзади Рыжий.

У меня на спине что, так и написано?

Пытаюсь извернуться, чтобы разглядеть надпись, не выходит. Уродская футболка!

Ну вот и «плац». И мы, как пациенты психлечебницы на выгуле. Все одинаковые – в дебильных кепочках и футболочках с логотипом лагеря. Аж в глазах рябит от оранжевого! Ору и табличкой как флагом размахиваю. Заколебался уже по струнке ровно стоять. И чего мы так рано выстроились? Я бы за это время выспаться успел.

– И долго еще ждать? – не выдерживаю, возмущаюсь во всеуслышание, но сразу получаю от Алины по голове. Вот выскочка!

Еще и тетка какая-то из делегации на порожках что-то квакает в мою сторону, но я ничего не слышу. Ни-че-го. Пусть громче орет!

Снимаю головной убор и на табличку его – опа! «Второй Максим Валерьевич к вашим услугам! Прошу любить и жаловать!» Тычу этой табличкой в лицо Алине. А она мне – кулаком промеж лопаток. Выдра!

Ищу Рыжего среди этого апельсинового поезда. О, есть! Шестой вагон. Двигаю к нему через всю площадку, продолжая размахивать табличкой, а сам на теть Наташу кошусь. Сработало! Срывается с места и спешит в мою сторону. Делаю вид, что не замечаю, – насвистываю «Рыжий, рыжий, конопатый», еле сдерживаясь от смеха при виде этих серьезных физиономий. Я бы сдох на месте малявок, если б попал к таким вожатым.

– Максим! – Железная хватка у тетки, у меня плечо в момент сводит. – Долго ты из себя дурачка будешь строить? Браво, конечно! Отлично получается! Только немного не к месту, тебе так не кажется?

– А то, что «к месту», – бесит! Не собираюсь выслушивать эти бестолковые проповеди!

– К месту… доказать, что тебе можно доверять.

– Пфф! – вспыхиваю внезапно. – Доверять? Я не ослышался? Да вы занянькались, как будто мне пять, а не семнадцать! Мать с отцом, так вообще… только прикрываются опекой, а сами хоть бы раз просто поинтересовались: «Максим, как у тебя дела?». Да не, заче-е-ем? У Максима же все замечательно: айфон последней модели, джинсы прямиком из Италии, частная школа…

– Максим…

– Что Максим?!

– Мы тебе детей доверяем…

– Спасибо огромное! – Скидываю ее руку со своего плеча. – Только немного не к месту, вам так не кажется? – И стартую.

– Встать в строй! – командным голосом рявкает тетка в спину, а потом вдруг добавляет шепотом, но я отчетливо слышу каждое слово: – Я в тебя верю, Максим.

И меня прошибает холодный пот. Останавливаюсь. Всеми силами стараюсь усмирить в себе злость. Кулаки напряжены – не разжать. Губу прикусываю, тут же чувствую вкус крови. И не понимаю, что со мной такое происходит. А Рыжий ржет по-тихому… Как задвинул бы этому придурку!

Но не успеваю опомниться – ведут. Стягиваются ручейками со стороны ворот в самый центр асфальтированной площадки говорливые толпы. Мал мала меньше! С улыбками на пол-лица. А потом постарше… И еще старше… Почти сверстники. Ох, сколько же их!

Успокаиваюсь, кажется. Улыбаюсь невольно пацаненку с моднявой стрижкой, тому, кто ближе всех ко мне, а потом – ушастой девчонке в красном платье. Интересно, с какого возраста в лагерь принимают? Они все такие крошечные в крайнем ряду.

– Первый отряд! – задорно командует молодая женщина, и один ручеек отделяется от общего потока.

Вышагивают с горящими глазами в сопровождении нескольких взрослых к табличке с номером «один», и парень с девушкой из нашего апельсинового поезда с улыбками встречают своих подопечных. А эти, мелкие, такие чудные – делятся девочка к девочке, мальчик к мальчику. И я снова ржу в голос.

– Ты, я вижу, сегодня в хорошем настроении, – наклоняется ко мне Длинный. Говорит мягко, без претензий. Одобряюще вроде. А я все думаю, как к нему обращаться. «Женя» – убого, «Евгений» – глупо. Поэтому отмалчиваюсь, только ухмыляюсь коротко, но тоже без всяких предъяв.

– Мы его перевоспитаем, – в своей излюбленной манере мурлычет Алина.

Нашлась, блин, воспитательница! И меня опять тянет на «подвиги».

Сую Женьке нашу табличку с номером «четыре», бейсболку козырьком назад переворачиваю и пускаюсь навстречу малышам, которые уже приготовились примкнуть ко второму отряду. Протягиваю ладонь смешной девчонке с большими глазами-бусинами, как у куклы, а она сначала ломается (ну как и положено всем юным кокеткам), но через секунду одаривает меня шикарной улыбкой. Хоть стой, хоть падай! Скачем вместе с ней к ее будущим вожатым – дылде двухметровой и губастому, который со мной в одном купе ехал.

– Мадам! – присаживаюсь на одно колено, подводя к ним малышку, а они замерли с каменными лицами.

Девчонка отпускать меня как будто и не собирается. Поэтому подсказываю, намекая на сложный выбор:

– Вы к этому джентльмену хотите пойти или… – посмеиваюсь, потому что ничего приличного на ум не приходит, – к боярыне Морозовой?

Губастый прыскает со смеха, но тут же напяливает на лицо серьезную мину, боязливо косясь на эту гром-бабу. А у той, видно, оценить юмор совсем не получается.

– Я к тебе хочу, – смущается девчонка и еще крепче сжимает мою руку.

– Прости меня, кнопка! – Сам от себя не ожидал, что буду оправдываться и блеять несвязно, как баран. – Понимаешь… У тебя другой отряд. А я не могу… Я вообще как бы… стажер.

А она ко мне прижимается и щекочет щеку непокорными кудряшками.

– Ну слушай… – начинаю уговаривать и опять несу черт-те что, – смотри, какая у тебя вожатая классная будет! Кто пальцем тронет, она сразу – бдыщ! – и разобралась! И никто больше не обидит.

– Что там у вас такое? – К нам подходит женщина, которая всеми «на плацу» заправляет.

А девчушка уже висит на мне – обвила пухленькими ручками шею и на остальных ноль внимания.

– Да вот… как бы… – все слов не подберу, только мычать получается. Да и что тут скажешь, когда это чудо преданно смотрит большими карими глазами?

– Тебя как зовут? – обращается женщина к девчонке, понимая, что из меня сейчас выжимать что-то бесполезно.

– Яся, – отзывается та, но от меня не отлипает.

– А меня Маргарита, – приятно улыбается женщина, присаживаясь неловко на корточки рядом, и я вспоминаю что-то там про штаб и студенческий педотряд, о которых Реваль рассказывал. – А это твои вожатые, – показывает она на дылду и губастого, – Ира и Артем. Они классные ребята, поверь! Артем на гитаре играет. Ира у нас третий год работает. Все-все здесь знает и все-все сможет тебе показать. Хочешь к Ире?

– Нет, – трясет кудряшками. – Не хочу.

Правильно! Я бы тоже не захотел. Я бы вообще шарахнулся от такой дылды и бежал куда подальше.

Смотрю на Ясю с любопытством и взгляда отвести не могу: у нее на щечках такие ямочки уматные, пуговками. Улыбаюсь, и она мне тем же отвечает.

– Замечательно! Тогда к Артему, – подводит логическую черту Маргарита.

– Я его выбираю! – Яся тычет в меня пальчиком, не сдается, и я смеюсь. Не ржу, как обычно, а именно смеюсь.

– Ясь, – нахожу наконец-то нужные слова, – я обещаю, мы будем с тобой дружить. Играть, купаться в море, беситься… Ты любишь беситься? – шепчу заговорщически ей на ухо. – Ты меня в песке закопаешь, хочешь?

– Ага, – кивает.

– А если они тебя обижать станут, – кошусь только на губастого, опасаясь взглянуть на боярыню Морозову, чтобы не разразиться истерическим смехом, – мы им у-ух! – сжимаю ее ладошку в кулачок и трясу в их сторону. – Ну? Я даже не прощаюсь! – подмигиваю, и она мне тоже смешно моргает левым глазом.

Вроде сработало. Пячусь назад, все еще улыбаясь, как идиот, и только в строю понимаю, что наобещал с три короба. Я разве ехал сюда, чтобы с детишками возиться? Черт! Поджимаю губы.

А за это время, оказывается, третий отряд распределили. На наш, четвертый, толпа идет, и половина слету ко мне метит – по глазам вижу… Вот это я вляпался! Хорошо, что отмазка есть: я просто стажер! Ста-жер! Ста-же-ор! Поворачиваюсь спиной ко всем и дергаю за футболку, привлекая внимание к надписи. Алина с Женькой хохочут, не переставая. И где-то там, на порожках, в толпе делегации, улыбается теть Наташа…

Глава 6

– Насть, ну хватит уже молчать, – слышу Надин голос и вздрагиваю.

Сидим с ней на полу в прихожей друг напротив друга, а вокруг все серое, только часы у зеркала зелеными цифрами светятся. Надя тоже обращает на них внимание и добавляет:

– С минуты на минуту тетя Марина придет. Что она скажет?

Точно, скоро мама с работы вернется. Надо уйти куда-нибудь поскорее, чтобы избежать лишних вопросов. Встаю. Надя за расческу хватается, крутит мне «дулю» на затылке, а потом свой блеск для губ протягивает. Беру. Не понимаю зачем, но выкручиваю крышечку. Замираю, глядя на отражение в зеркале, и себя не узнаю. Глаза потухшие, щелочки узкие-узкие. Щеки куда-то подевались. Губы ссохлись, потрескались. Да тут никакой блеск не поможет.

Пытаюсь улыбнуться – ничего не выходит. Как будто это не я, а отражение вредничает. Отдаю Наде блеск, а она в задумчивости ковыряется среди маминых помад, и вот уже ловко орудует кисточкой, ухватив меня за подбородок.

– Так уже лучше, – кивает на зеркало.

– Ну да, – соглашаюсь, хотя не вижу никакой разницы. Смотрю сама себе в глаза и дикую боль читаю. Молчу о том, что внутри, а оно без спроса наружу лезет. Прячь – не прячь, все видно.

– Сейчас в кафе посидим. И не сопротивляйся! Я плачу́. А потом мне Ромка позвонит, и тогда… сама решай: домой или с нами.

– С вами, – отвечаю, почти не раздумывая.

Мама опять с расспросами пристанет: чего так рано и почему не с Лешей? Скажу, что как раз с ним и гуляла. А сама, все еще глядя в зеркало, морщусь от опостылевшего вранья.

Надя тащит меня в «Мистер Зефир». С тех пор как это кафе открылось через дорогу от нашей школы, она оттуда почти не вылезает. Любительница японской кухни! Иногда даже историю там прогуливает. У нее с историчкой отношения не складываются в принципе. Просто Мишель (Наталья Сергеевна Мешалкина) еще с восьмого класса на Надю зуб заточила. Она завуч по воспитательной работе, и Надины перемены во внешности ей вконец осточертели: то высветлится, то с малиновыми патлами придет, то в огненно-рыжий перекрасится, а в конце девятого виски́ выбрила и жгучей брюнеткой стала. Не найдет Мишель на нее управу, вот на уроках и отыгрывается. Проще не ходить, не нервировать, все равно по ее предметам выше тройки Наде не светит.

Садимся за белый столик – черные, видно, мне не к лицу, Надя их все стороной обошла – и молчаливо таращимся в меню, думая каждая о своем. У меня аппетита совсем нет, да и не люблю я ни суши, ни роллы. Наблюдая за лицами тех, кто их сейчас наворачивает, думаю, что все разделяют со мной эту нелюбовь, просто отдают дань моде.

– Ромка! – оживляется Надя, добавляя васаби к кусочку ролла, и отвечает на телефонный звонок.

А я неохотно потягиваю улун, наблюдая за искоркой счастья, которая разгорается в ее глазах, и вспоминаю, как у нас с Лешей все начиналось. Да так же… И казалось, что навсегда: звонки бесконечные, смех, ожидание встречи, улыбки только для меня одной, прикосновение рук и губ… Но оказывается, «навсегда» тоже рано или поздно заканчивается. Как же так?

– Допивай и пойдем. Сейчас Ромка с Мишей за нами заедут. Машину где-нибудь в центре бросим и погуляем, остальные уже там.

Отставляю чашку в сторону, складываю скомканные салфетки на блюдце, а сама осознаю, что зря, наверно, согласилась. И дело не в малознакомой компании, и даже не в Леше. Как мне им в глаза смотреть после выходки в Утрише?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.